Рубрика: ОНТОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЯ

МЕТАФИЗИКА ИДЕНТИЧНОСТИ

А. В. Нечаяев

В статье предлагается подход к решению проблем идентичности человека в рамках научного философского материализма, где идентичность определяется как объективное социальное явление, вне зависимости от способностей индивида к категоризации. Человек рассматривается в его деятельностном содержании как социальное существо, онтологически разделенное в своей сущности и существовании. Преодоление данного отчуждения в адекватной деятельности составляет основу формирования идентичности социального индивида.

Ключевые слова: идентичность, тождественность, человек как целое, противоречие сущности и существования, деятельность, социальное.

DOI:10.47929/2305-7327_2020.01_7-15

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07489.

Когда в диснеевском мультфильме «Кунг-Фу панда» здоровенный медведь-сын говорит своему папе-гусю: «Я всегда подозревал, что с моим рождением что-то не так!» – это смешно. Но не только. Для зрителя это становится еще и крайне важно, потому что, казалось бы, простая бытовая ситуация, но возведенная в степень художественным приемом антропоморфизма и умноженная на смеховое отношение, вдруг с необычайной ясностью высвечивает необходимость для каждого социального индивида решения проблемы «Кто я?». И эта эмоциональная постановка проблемы, которую непосредственный и упорный панда решает целых три полнометражных серии, может быть более эффективна, чем рациональный призыв античности «Познай самого себя». То, что «Я есть» – это банально и несомненно для каждого индивида. По разным основаниям. Декарту для этого было достаточно рефлексии – «Я мыслю». Вопрос

Об авторе:
Нечаяев
Алексей Владимирович

*д-р филос. наук, главный
научный сотрудник
Института изучения
общественных явлений.*

Адрес для переписки:
Россия, 443001, г. Самара,
ул. Молодогвардейская,
196.
E-mail: avnechayev@ya.ru

УДК 101.8
ББК 87.523

идентичности «Кто (или что) Я есть?» – это большая проблема, часто не находящая своего решения.

Уникальность проблемы

Но откуда вообще возникает этот вопрос у человека? Что интересно, в природе этого вопроса не существует. Не может быть вопроса идентичности, например, камня или тигра, или осла. У нас был замечательный советский мультфильм про маленького ослика, который мечтал сменить свою идентичность и стать бабочкой, но он был осликом, и он остался осликом. И дуб на опушке леса может быть только дубом и ничем иным. В природе может быть проблема процесса идентификации объекта, потому что есть искусство маскировки, например, когда какая-то змея маскируется под веточку и хватает зазевавшуюся птичку. Но это проблема узнавания. Птичка может не заметить змею, не узнать ее, но она знает, что такое змея. В природе есть проблемы выживания, потребления, размножения, развития, даже, как утверждают биосоциологи, проблемы общественной организации и организации общественного производства. У природы нет идентичности и нет проблемы идентичности.

Поэтому, если подойти к этому вопросу чисто практически или феноменологически, можно идти от этого наблюдения. В природе нет проблемы идентичности – у человека есть. Что же в мире человека порождает эту проблему?

Что такое *identity*? Тождество, одинаковость. Полное совпадение чего-то с чем-то во всех точках. То есть если перед человеком встает вопрос его идентичности, то сама постановка этого вопроса, само отождествление, уравнивание подразумевает необходимость ответов на другие вопросы: что и чему должно быть равно, и еще почему, собственно говоря, должно быть равно? Может быть, можно обойтись и без этого равенства?

Как мне кажется, эти совершенно закономерные первоначальные системные вопросы в познавательном процессе идентичности в явном виде сегодня практически не ставятся. Они как бы подразумеваются по умолчанию. Опять же по умолчанию в формулу этого равенства подставляется все, что угодно. Может быть требование равенства человека какому-либо обществу или социальной группе, принадлежности этносу или нации, соответствия индивидуальной деятельности и общественной деятельности, личных интересов и государственных интересов и т. д. в зависимости от предпочтений или реальных целей того или иного исследования.

Но разве это тождество? Разве в этих разнообразных «равенствах» обратное равенство верно? Нет, конечно. Частичность мышления, произрастающая из повседневной узкофункциональной деятельности, толкает нас к ошибочному установлению тождества всякий раз, где наблюдается какое-то совпадение. На самом деле, как правило, в этих многообразных совпадениях существуют другие отношения, когда, например, человек полностью включает в себя общественное содержание или, наоборот, подчиняет всего себя выполнению общественной функ-

ции, но не исчерпывает ее в свою очередь. Индивид от этого не становится обществом. Функция от этого не становится человеком. Между ними нет отношения тождества. Эти явления (и соответствующие им понятия) могут находиться в отношении подчинения или даже в отношении пересечения, то есть частичного совпадения, но не тождественности в полном смысле слова.

Первое принципиальное замечание, которое мы можем сделать: если речь идет об идентичности, то это значит, что человек становится тождественным, а не оказывается случайно частично равным чему-то. И что-то с необходимостью требует от него этой тождественности.

Но из первого замечания сразу же следует и второе. Если в проблеме идентичности речь идет о тождестве, то оно не может быть с чем-то иным, чуждым человеку, посторонним ему. Если говорить именно о тождестве, то это может быть только проблема тождества человека с самим собой.

Объективность проблемы идентичности

Другими словами, когда мы констатируем наличие социальной проблемы идентичности, то мы в явном виде утверждаем, что человек не равен самому себе. В природе любой предмет в своем существовании, как и любой организм в своей жизнедеятельности всегда равны себе, а человек как социальный индивид – не равен. Эта проблема постоянного неравенства человека самому себе давно является предметом пристального внимания философии. Например, она главной содержательной стороной проходит через всю немецкую классическую философию. Нетождественность человека осмысливается и через трансцендентность/трансцендентальность Канта, и через субъективизм Шеллинга, и через философию воли Шопенгауэра, и через принадлежность человека абсолютной идее Гегеля, и через всемирную любовь Фейербаха. Через всю немецкую философию, через это фактическое осмысление неравенства человека самому себе, когда человек становится больше самого себя. И свое наивысшее воплощение эта проблема находит в марксистском решении материалистического понимания истории и социальной сущности человека.

Однако современные психологи, разрабатывавшие проблему идентичности, в силу закономерных обстоятельств далеки от философского восприятия мира. Поэтому феноменологически определив наличие проблемы, психологи пошли по тому же феноменологическому пути ее решения. Что сравнивать? Есть традиционный дуализм души и тела, значит, надо сравнивать бытие человека и его мысли об этом бытии, то есть индивидуальные бытие и сознание, например: «Я думаю, что я орел, а я не орел. Я думаю, что я право имею, а я тварь дрожащая».

В современной науке повсеместно доминирует подход к человеческой идентичности как к особой форме осознанной самоидентификации человека. Этот подход формируется тремя направлениями исследования идентичности: 1) теория самоидентификации [Tajfel, Turner, 2004] и теория самокатегоризации [Turner, Reynolds, 2012]; 2) теория идентичности [Stryker, Burke, 2000]; 3) концепция культурных идентичностей,

формируемых, прежде всего, в условиях социальных движений [Andersson, 2010; Snow, Oliver, 1995]. Эти теории рассматривают различные факторы и условия формирования самоидентификации индивида. Вместе с тем, указанные подходы к идентичности не выходят за рамки проблемы формирования самосознания индивида. Хотя в некоторых случаях постулируется изучение влияния самоидентификации на поведение индивида, тем не менее реальная сфера применения этих концепций состоит в исследовании психологического благополучия индивидов, проблем интериоризации норм и правил, межгруппового восприятия, управления межгрупповой агрессией и проч. [Meijl, 2010; Reicher, Spears, Haslam, 2010; Turner, Reynolds, 2012]. Данный уклон в исследовании идентичности связан с силой идеалистических тенденций в современной науке.

Иными словами, в основании проблемы идентичности утверждается наличие противоречия между объективным положением человека в социальной реальности и его субъективным восприятием себя. Следовательно, проблема идентичности оказывается проблемой разрешения ряда существующих у человека психических комплексов, преодоления отрицательных паттернов мышления и поведения, рефлексии архетипов и в конце концов приведения его сознания к правильному восприятию самого себя через построение правильных умозаключений. Поэтому опять-таки очевидным совершенно образом в окружающую индивида среду были включены и другие люди. И сопоставление самосознания человека с бытием человека в среде происходит главным образом через сопоставление человека с мнением других людей, через то, что он сам о себе думает и что думают о нем другие.

Я бы сказал, что вот так Капитан Очевидность еще раз показывает, как опасно за ним следовать. И совершенно верное наблюдение о переживании существующей проблемы ведет нас к совершенно неверным теоретическим построениям. Тут всплывает множество разнообразных проблем – мышления, существования, социализации индивида, но проблемы идентичности тут нет вообще.

Например, хотя мы и можем логически рассуждать о проблеме идентичности, из этого не следует, что сама эта проблема логическая. Из того, что мы можем переживать проблему идентичности, не следует, что это проблема психическая. Например, человек может переживать из-за травмы, которая помешает ему выступить на соревнованиях. У него могут быть серьезные психические переживания, у него может даже быть измененное состояние сознания, но это не значит, что эта травма имеет психический характер. Эта травма имеет физиологический характер. Или наибольшие страдания человеку приносит утрата социального статуса, но и тут субъективное переживание – это всего лишь особое субъективное отражение объективно происходящих с индивидом процессов.

Я хочу сказать, что проблема идентичности не является проблемой рационального, способности человека к умозаключениям, правильному построению мысли. Более того, она вообще не является субъективной. Она может получить субъективное значение для индивида и даже стать для него психической проблемой, а может не иметь и не стать. Она су-

существует объективно именно как социальная проблема, именно поэтому она требует своего решения. Именно поэтому она проблема. Хочет человек, не хочет человек, а она перед ним стоит и требует. Если бы это было делом субъективным, то легко бы человеку было себя обмануть или от чего-то отказаться, или просто не думать о всяких глупостях. Хорошо, на худой конец, согласиться с мнением окружающих и сказать, что «как вы скажете, так оно и есть: герой – значит, герой, подлец – значит, подлец, идиот – значит, идиот». Ну не мучиться же неизвестно из-за какой проблемы.

Поэтому и решение проблемы идентичности несколько не зависит от развитости или неразвитости сознания человека. Сознание может быть сколь угодно изошренным, как, например, у Труфальдино из Бергамо. Сначала он выдумывает свою историю, потом он выдумывает Паскуале как своего приятеля, потом он выдумывает похороны одного за другим своих бывших хозяев. А идентичность его все как-то не складывается.

Вместе с тем понимание идентичности как объективного явления имеет как практические (материалистические) основания, так и значительную теоретическую научную базу [Абушенко, 2010], которая до настоящего времени не была развита в последовательную концепцию идентичности. Нравится нам или не нравится, но современный человек, как и прежде, остается общественным человеком. Мы можем сколько угодно утверждать, что «мир нам ничего не должен», что «я никому ничего не должен», но по факту всякое действие индивида, в первую очередь, имеет смысл только как действие по отношению к другим людям, совместно с ними или против них. Экономисты вынуждены признавать, что всякая деятельность предпринимателя имеет смысл, только если в конечном счете, в своем продукте, она востребована другими людьми. Какой бы ни был великий артист, шоумен, писатель, художник, если у него нет своей аудитории, то вся его деятельность умножается на ноль. Любое решение руководителя, управленца имеет смысл не в том смысле, что оно грамотно выбрано и правильно оформлено, а только если есть люди, которые будут его исполнять. Если люди не исполняют решения управленца, то он теряет власть, деятельность и, следовательно, свое функциональное существование.

Философы, которые хотели бы избежать марксистской окраски в признании общественной природы человека, но вынуждены эту природу признавать, нашли этому изящную формулировку, что «всякое бытие индивида есть со-бытие с другими людьми». И эта формулировка может быть даже корректнее, поскольку ухватывает не только общественную совместность бытия человека, но и его индивидуальную совместность, его различные формы необщественного бытия и утверждает эту совместность поистине как универсальную.

Вот эта совместность, совместное стояние, необходимо-совместное бытие говорит нам о том, что в реальности бытия социального индивида постоянно есть то, что от него никак не зависит, то, что, будучи на самом деле самой существенной его частью, зависит от других людей и других субъектов, то, что существует вне его и дано ему

в его отражении как совокупность его ощущений и как предмет его размышлений.

Если бы идентичность была субъективной и зависела только от воли и сознания человека, тогда ее проблема решалась бы очень просто: надо было бы сделать только правильный выбор. Если бы она была примитивно объективной и равнялась бы какой-нибудь внешней роли, социальной функции, маске, задаче, то дело бы обстояло еще проще. Тогда проблемы идентичности совсем бы не существовало. Попал в соответствующую социальную группу – делай, что положено. Например, что может быть более определенного и регламентированного, чем распорядок дня и жестко расписанная деятельность какого-нибудь монаха в его функции служения господу. И тем не менее, их судьбы, деятельность, формы служения причудливо различны, бесконечно различны. Одни монахи почему-то всю жизнь занимались тем, что истязали сами себя, другие делали почти то же самое, только истязали других, третьи строили госпитали, четвертые воевали или охраняли дороги, пятые возделывали виноградники и так далее.

Различие сущности и существования человека как удвоение его бытия

Итак, эмпирически констатируя проблему идентичности, мы тем самым имеем дело одновременно с тождеством и различием индивида, то есть с двойственностью, противоречием его бытия, причем это противоречие не внешнее, а внутреннее для индивида. И это противоречие не субъективное, не в сознании индивида, а объективное, в структуре его социальной реальности, где мышление индивида выступает лишь вторичным, дополнительным инструментом преодоления данного противоречия.

В философской материалистической диалектике это противоречие известно как противоречие сущности и явления, а в применении к субъекту – сущности и его существования.

Это противоречие между тем, что человек есть как социальное существо, как устойчивая, относительно неизменная сущность, и тем, что он из множества возможностей деятельности конкретно выбирает, что он в данный момент делает, как он преобразует себя и мир, то есть тем, как он существует.

Тут мы возвращаемся к революционной идее Маркса о том, что сущность любого человека не есть абстракт, данный конкретному индивиду, а есть ансамбль общественных отношений. И здесь мы должны отметить три важных момента.

Во-первых, сущность человека находится вне его физического/ментального существования, в системе социальных отношений.

Во-вторых, она всегда имеет процессуальный характер. Она не есть готовая неизменная данность. Она меняется вместе с изменением социальных отношений индивида и его социальной реальности.

И третий момент. Сущность человека не вполне ему принадлежит. Она есть не только результат и процесс собственного развития социального индивида, она есть еще и определенное *со-стояние*, его совместное бытие с другими людьми. Поэтому в большей или меньшей степени она постоянно зависит от других людей.

Материализм Маркса последователен. Он заключается не только в том, что базис определяет надстройку, а народ творит историю. Он заключается в объективировании сущности человека как определенной, конкретно-исторической совокупности социальных отношений и в объективировании существования человека. Это существование не животное, иначе бы вся жизнь человека имела единую животную цель. Это существование не фантазийное, иначе никто бы не был ограничен в своих фантазиях. Это существование объективно социальное, где цели и смыслы человека формируются в социальной среде.

Поэтому возникает проблема идентичности. Человек должен определять себя меняющегося, зависимого, находящегося вовне и соответствовать себе в своей деятельности. А нарушить это тождество может что угодно. «Ты не ты, когда голоден». А если ты взбешен? А если ты задумчив? Любой вид деятельности, любое изменение состояния нарушает тождественность деятельности человека с самим собой или бытия с самим собой, или модальности с самим собой.

Что крайне важно, изменения происходят как в существовании, так и в сущности человека. И то и другое меняется, а еще крайне важно, что и изменение сущности, и изменение существования человека зависят не только от самого человека, но еще и от других людей. Поэтому «скажи мне, кто твой друг» – это не только опосредованная характеристика индивида, но это и его определенная характеристика развития. Не водись с ним, человек он, может, и хороший, да научит тебя плохому, и сущность твоя изменится. Да, изменения сущности приходят гораздо реже, медленнее, но если происходят, то гораздо более удивительно для окружающих. Иногда они незаметны, совершенно незначительны: «Ба, Джон, а ты все такой же!». А иногда поразительно заметны: «А вы здорово изменились, господин бургомистр! – А вы зря этого не сделали, господин барон!».

Изменения в существовании происходят непрерывно, потому что непрерывно человек осуществляет социальную деятельность в какой-либо из ее форм, даже если это деятельность самопознания.

И поэтому всегда существует момент несовпадения сущности и существования. Всегда есть этот разрыв, и, следовательно, всегда есть выбор: остаться самим собой или стать другим. Вот отсюда проблема идентичности. А вовсе не потому, что у человека есть богатая фантазия и он придумывает про себя все, что угодно.

Деятельность как способ спорадической определенности социального индивида

У человека как социального субъекта одновременно существуют разнонаправленные векторы его существования, или, другими словами,

у него не только сложная структура индивидуального бытия, но и сложная структура его модальности. Есть векторы витальных долженствований, есть векторы общественных, обязательно есть векторы индивидуальных, а у некоторых персон есть еще и векторы индивидуальных, собственных долженствований, то есть самому себе. Неважно, насколько и как они осознаются. На первом и четвертом уровнях, как правило, осознаются, на втором и третьем – необязательно.

Одновременное существование, взаимное пересечение и одновременное предъявление собственных требований к индивиду его персонобразующих четырех сложных структур – природной, социально-бытийной, модальной и ментальной – порождает ряд уникальных феноменов. Во-первых, это постоянная неопределенность сущности социального индивида, находящегося где-то в пространстве этой четырехугольной комнаты, у которой есть еще выход в патио или на обширную лоджию необщественного пространства, а также черный ход в подвал асоциальности. Во-вторых, это периодическая неопределенность его реального существования, то есть деятельности социального индивида, которая порождается множественностью целей, результатов и побочных эффектов каждого его социального действия. Вот здесь возникает третий феномен – проблема идентичности, постоянной неполноты, частичности или даже разорванности бытия социального индивида, поскольку из двух неопределенностей – сущности и существования – целого индивида не склеить. Тут правила математики для субъектов действуют наоборот: из двух социальных определенностей можно получить новую неопределенность, но из двух неопределенностей определенность не получается. Преодолеть этот разрыв бытия индивида можно либо максимальным, адекватным проявлением собственной сущности в деятельности, где она (сущность) этим особым действием определяется и тождественно осуществляется (что и называется обретением идентичности), либо минимизацией социального существования индивида.

Таким образом, проблема идентичности существует потому, что человек непрерывно существует/действует как физическое и ментальное тело, а в своей социальной сути он находится объективно вне себя, вне своего физического и ментального тела, и это соотношение его сущности и существования неопределенно, и ему необходимо деятельно это определять и восстанавливать себя как единое целое. Следовательно, поиск/определение своей идентичности не означает деятельности мышления, процесса категоризации себя в свободном творчестве ума. Напротив, это в совместной деятельности с другими людьми процесс практического конструирования своей сущности и согласование ее с необходимостью повседневной практической деятельности своего существования. Другими словами, это создание социальным субъектом упорядоченной системы своих долженствований и когерентное их исполнение в прямой зависимости от социально/коллективно утвержденной и деятельно принятой данным индивидом системы ценностей. В этом процессе установления своей идентичности важнейшее значение имеет именно сохранение или воспроизводство человека как це-

лого, что обеспечивается возможно более полным соответствием совокупности его повседневной деятельности существования – его социальной сущности, и где сознание индивида выполняет главным образом мониторинговую функцию.

Список литературы

- 1 Абушенко В. Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории: научный альманах. – 2010. – Т. IV. – С. 128-146.
- 2 Andersson H. E. What Activates an Identity? The Case of Norden // Int. Relat. – 2010. – Vol. 24. – № 1. – P. 46–64.
- 3 Meijl T. van. Anthropological Perspectives on Identity: From Sameness to Difference // The SAGE Handbook of Identities. – London: SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 63–81.
- 4 Reicher S., Spears R., Haslam S. A. The Social Identity Approach in Social Psychology // The SAGE Handbook of Identities. – London: SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 45–62.
- 5 Stryker S., Burke P. J. The Past, Present, and Future of an Identity Theory // Soc. Psychol. Q. – 2000. – Vol. 63. – № 4. – P. 284.
- 6 Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political Psychology / J. T. Jost, J. Sidanius (Ed.). – Psychology Press, 2004. – Issue 0. – P. 276–293.
- 7 Turner J. C., Reynolds K. J. Self-Categorization Theory // Handbook of Theories of Social Psychology. – London: SAGE Publications Ltd, 2012. – P. 399–417.
- 8 Snow D. A., Oliver P. E. Social Movements and Collective Behavior: Social Psychological Dimensions and Considerations // Cook K., Fine G. und House J. (Eds.) Sociological Perspectives on Social Psychology. – Needham Heights, MA: Allyn and Bacon, 1995. – P. 571–599.